

Введение

Тема: Вселенная

В начале февраля 1848 года нью-йоркские газеты объявили о предстоящем таинственном событии: «В четверг вечером Эдгар Аллан По прочтет лекцию в Библиотеке Нью-Йоркского общества... Предмет обсуждения — «Вселенная»». Более грандиозной темы нельзя и придумать! При этом никто не мог знать, чего конкретно ожидать от предстоящего мероприятия: рассказов, стихов, критической диатрибы. Подобная тема могла включать всё и вся.

Журнал *Home Journal* заявил: «Вопреки любым предположениям, уверенным можно быть только в одном: мы услышим самые свежие, поразительные и наводящие на размышления мысли». Господин По, «прирожденный анатом мысли», «разбирает гений и его имитации с мастерством, равного которому нет». Все эти объявления подстегнули спекуляции о самом человеке, ведь, несмотря на свою известность, Эдгар По больше года не появлялся на публике.

Библиотека, недавно переехавшая на пересечение Леонард-стрит и Бродвея, давала мало подсказок. Знали лишь то, что в совет директоров Общества входили такие светские личности, как банкир Корнелиус Рузвельт, а мероприятия выглядели более изысканными, чем в Американском музее Барнума в десяти кварталах к югу (Ральф Уолдо Эмерсон читал там свою «Лекцию о времени»). За ее дверями проходили всевозможного рода зрелища. Например, недавно там выступали швейцарские звонари, Американская ассоциация дагерротипии и фокусник синьор Блиц.

Будет ли лекция Эдгара По литературной, научной или какой-нибудь неизведанной новинкой? Газета *Weekly Universe* отметила: «Мистер По — не просто человек науки, не просто поэт, не просто литератор. Он — все вместе взятое; и, возможно, нечто большее».

Эта речь ознаменовала возвращение По после долгого отсутствия. Тремя годами ранее он прославился своим стихотворением «Ворон», его странная, манящая мелодия и припев, произнесенный загадочной птицей в адрес убитого горем ученого, запечатлелись в сознании публики: «Каркнул Ворон: «Никогда»^{*}». Впервые опубликованное под псевдонимом, стихотворение сразу произвело сенсацию, его перепечатывали и пародировали. *Gotham Gazette* восторгалась: «Стихотворение написано строфой, неизвестной прежде ни богам, ни людям, ни книготорговцам, но оно наполняет и восхищает слух дикой, грохочущей музыкой. Все читают его и восхваляют».

По стал завсегдатаем литературных салонов Нью-Йорка, где он притягивал слушателей напряженными, тихими декламациями. Поэтесса Фрэнсис Сарджент Осгуд вспоминала его «гордо поднятую красивую голову и темные глаза, вспыхнувшие электрическим светом чувств и мыслей». Другой автор сообщал о его репутации практика месмеризма, новой науки о невидимых жидкостях и вибрациях, объединяющих умы: «Люди считают, что в нем есть что-то сверхъестественное, и рассказывают самые странные истории о его месмерических опытах, и, более того, *верят* в них».

«Ворон» открыл и другие двери. В 1845 году Эдгар По выступил с лекцией «Поэты и поэзия Америки» перед толпой из трехсот человек, обличая слабое состояние американской литературы и критики, ее региональные клики и испорченную репутацию. К концу 1846 года стихи, рассказы, непоколебимые суждения и способность к провокациям приблизили По к его мечте — созданию собственного журнала. Очерк о нем в период первого расцвета славы говорит о том, что это был человек уравновешенный, остроумный и проницательный, имеющий все основания для оптимизма (хотя, возможно, и немного тревожный).

Однако удача ему изменила. Большую часть 1847 года он не появлялся в салонах и лекционных залах. Он переехал в Фордхэм, в двенадцати милях к северу от города, к своей тете и боль-

* Перевод К. Бальмонта

ной жене Вирджинии. Позже он признался другу: «Я стал безумцем с длительными промежутками отсутствия здравомыслия. Во время приступов абсолютной потери сознания я пил, одному Богу известно, как часто и как много».

И союзники, и враги строили догадки о его состоянии. Его друг Джордж Эвелет, студент-медик, писал редактору Эверту Дайкинку: «Где мистер По, что он делает, и что может сделать? Продолжает ли он пить, или исправился?» Его соперник Томас Данн Инглиш, написавший роман со злобной карикатурой на пьяного По, высмеивал его состояние: «Мы знаем, что мистер Э. А. По нанят для изготовления рельс для новой железной дороги через Бродвей. Несколько дней назад его видели идущим по улице, очевидно, прокладывающим путь».

На самом же деле, отстранившись от склок нью-йоркских газет и салонов, в безопасности от общественного внимания и мелких нападок, По замышлял следующий этап своей карьеры. В момент изоляции, в один из самых тяжелых периодов жизни, его воображение воспарило. Бродя по пышным лугам Фордхэма и суровым, каменистым скалам вдоль Гудзона, он брался за новые смелые произведения: эссе с изложением «науки о писательстве»; «Улялюм», балладу, освещенную «туманным сиянием» недавно родившейся звезды; утопический рассказ «Поместье Арнгейм», написанный на одном длинном свитке, где бесконечно богатый художник проектирует огромный ландшафтный сад, напоминающий рай или ад; и самое дерзкое — лекция под названием «Вселенная», о которой нью-йоркские газеты объявили в начале 1848 года.

По* возлагал надежды на эти работы, желая вновь утвердиться в литературном мире. Публикуясь в основном в журналах, он получал не больше двадцати долларов за статью, независимо от ее популярности. А вот лекция с большой аудиторией, заплатившей по пятьдесят центов, могла принести ему довольно крупный доход и покрыть несколько месяцев аренды. После нью-йоркского мероприятия он собирался отправиться в турне, чтобы получить

* Илл. 1

доход от продажи билетов и собрать подписки на возрожденный литературный журнал *The Stylus*, начав со своих бывших однокурсников из Университета Вирджинии и Военной академии США: «Для начала я должен собрать, по крайней мере, пятьсот постоянных читателей, почти двести у меня уже есть. Я предлагаю, однако, отправиться на юг и запад, навестить моих близких друзей, литературных товарищей и старых знакомых по колледжу и Вест-Пойнту, и посмотреть, что у меня получится».

Опубликованное название его лекции — «Эврика: эссе о материальной и духовной Вселенной». «Эврика!» — воскликнул древний философ Архимед, открыв метод проверки чистоты золота. «Эврика!» — радостно кричали золотодобытчики в Калифорнии. По был убежден, что открытия, сделанные в его эссе, обеспечат ему бессмертную славу, сделают его богатым и, открыв тайны Вселенной, спасут ему жизнь.

Его стратегия была не такой безумной, как может показаться на первый взгляд. По получил математическое и инженерное образование в Вест-Пойнте и провел последующие десятилетия, изучая новейшие достижения в области электромагнетизма, химии, естественной истории и астрономии — он, как никто другой из его современников, мог говорить о космологии. Тема происхождения и устройства Вселенной волновала великие умы того времени — Пьера-Симона Лапласа, Джона Гершеля, Александра фон Гумбольдта — и привлекала внимание американской публики. Шотландский священник и астроном Томас Дик опубликовал популярные книги по астрономии, где гармонично сочетались естественные науки и протестантская теология, а восемь томов «Бриджуотерских трактатов» пересмотрели «естественную теологию», чтобы идти в ногу с научными достижениями.

Бестселлер под названием «Следы естественной истории творения», опубликованный в Эдинбурге в 1844 году, все еще вызывал ожесточенные споры по обе стороны Атлантики. Скандально известная книга рассказывала о происхождении и развитии Солнечной системы, Солнца, Земли и человечества как о результате единого природного закона — без божественного вмешательства.

Являлся ли анонимный автор радикалом, чудаком или уважаемым ученым? Никто сказать не мог. Опираясь на дурную славу «Следов», за несколько дней до того, как По должен был выступить в Библиотеке Нью-Йоркского общества в начале 1848 года, Джон Прингл Никол, профессор астрономии из Глазго — один из главных подозреваемых в написании «Следов» — выступил в Нью-Йорке с серией хорошо посещаемых лекций.

Никол сконцентрировал внимание общественности на туманностях — отдаленных, мерцающих пятнах света, которые внимательно изучались с помощью новых мощных телескопов. Согласно выдвинутой им «туманной гипотезе», наше Солнце когда-то являлось вращающимся светящимся облаком газа, а затем конденсировалось, оставив после себя вращающиеся планеты.

Теологические последствия оказались суровыми: если гипотеза верна, значит, небеса эволюционировали до нынешнего состояния, и история Вселенной заметно отличается от той, что описана в Бытие. Если подобные процессы эволюции происходят в результате действия естественных законов, без вмешательства Творца, то, возможно, они все еще работают за пределами нашей крошечной планеты или даже здесь, на Земле, в процессе образования новых видов.

В коттедже в Фордхэме Эдгара По поддерживала его тетя и бдительная защитница Мария Клемм. «Я сидела с ним, иногда даже до четырех утра. Он писал за своим столом, а я дремала в кресле, — вспоминала она. — Когда он сочинял «Эврику», мы бродили по саду, обнявшись, пока я не уставала настолько, что не могла идти. Он останавливался каждые несколько минут, объяснял мне идеи и спрашивал, понимаю ли я. Я всегда сидела с ним, пока он писал, и приносила ему чашку горячего кофе каждый час или два». Гуляя до поздней ночи, По смотрел на немеркнущие звезды, высившиеся над сельской местностью, и думал, откуда они взялись и какие подсказки они могут содержать для тех, кто живет внизу.

По с детства любил смотреть на звезды: разглядывал их в британский телескоп с балкона особняка своего приемного отца

в Ричмонде; полировал линзы, работая артиллерийским инженером в армии США; посвятил одно из самых ранних стихотворений, «Аль-Аараф», новой звезде, открытой астрономом Тихо Браге. Подобно К. Огюсту Дюпену, джентльмену-следователю, которого По представил в «Убийстве на улице Морг» — первом современном детективном рассказе, — По подозревал, что созвездия, наблюдаемые им во время ночных прогулок, содержат подсказки к ранней истории Вселенной и законам, управляющим ее жизнью и смертью.

Январь 1848 года По провел за пересмотром своей лекции, подобно ученому из «Ворона», «удивляясь, боясь, сомневаясь, мечтая о том, о чем никто из смертных не смел мечтать прежде». Он обратился в Библиотеку Нью-Йоркского общества и пригласил друзей и прессу, чтобы объявить об этом событии. Однако погода оказалась ему неподвластна. В выбранную ночь, 3 февраля, через год и четыре дня после смерти его жены, на город обрушилась буря.

Когда По вышел на трибуну, одетый с простой элегантностью в черный костюм с безупречно чистым, хотя и поношенным, воротничком и шейным платком, и положил перед собой стопку страниц, исписанных мелким ровным почерком, на присутствие отважились всего шестьдесят с лишним человек. И это была «избранная, но весьма благодарная аудитория».

Неустрасимый По разгадал тайну мироздания. «Я еще не видел ни одного портрета По, — заметил один слушатель, — который передавал бы его бледное, нежное, интеллектуальное лицо и великолепные глаза. Его лекция — это рапсодия истинного великолепия. Он выглядел вдохновленным, и его вдохновение почти болезненно отразилось на скудной аудитории». В основе лекции По лежала новая история творения, отмеченная необычными и поэтическими симметриями: теория образования звезд, распространяющая небулярную гипотезу на Вселенную в целом.

Все, по его словам, началось с единой, унитарной частицы, которая взорвалась до пределов «Вселенной звезд» и образовала туманные облака. Затем эти облака сгустились, образовав солнца и планеты. Однако внутренней силе гравитации противостояла

конкурирующая, отталкивающая сила, которую По назвал электричеством — причиной всех «феноменов жизненной силы, сознания и Мысли». На протяжении веков эти две силы боролись между собой, порождая разнообразные существа, наполнившие Землю и другие планеты. В конце концов гравитация взяла верх, и «с электрической скоростью в миллион раз большей» вся материя устремилась к «первозданному Единству» первой сферы.

Репортер газеты *Morning Express* описал лекцию как «самую продуманную и глубокую» из всех, что он когда-либо слышал. Аудитория, которая слушала с напряженным вниманием, «встретила ее горячими аплодисментами». По считал «Эврику» кульминацией своих трудов, мечтаний и злополучной жизни. Он говорил друзьям, что книге суждено «произвести революцию в мире физической и метафизической науки».

Когда книга была опубликована, он написал свекрови: «Я не желаю жить. С тех пор, как я написал «Эврику», я больше ничего не смогу создать». Эдгар По умер на следующий же год.

Эффект По

Многие преданные поклонники Эдгара По — будь то мастера ужасов, изобретатели детективного рассказа, пионеры научной фантастики, первосвященники символистского искусства или задумчивые принцы готов — никогда не читали «Эврику», космологическую теорию, которую он выдвинул тем вечером 1848 года. Помимо своей длины, сложности формы и аргументации, «Эврика» кажется лишней среди самых известных произведений По, будь то его возмутительные рассказы об ужасе и безумии или гимны неземной красоте.

Эта книга рассказывает полную историю жизни Эдгара Аллана По, но делает это под новым углом зрения. Она ставит космологию на вершину его жизни и мысли и показывает творчество как единственное выражение бурных идей и страстей его эпохи, тесно связанное с зарождением современной науки.

Эдгар По исследовал захватывающие перспективы и коварные слепые пятна новых способов зарождения мира. Понимание его жизни и творчества требует пристального внимания к его связям с научной мыслью и открытиями, потому что этот решающий факт ярко раскрывает современную науку. Историк Томас Кун назвал первую половину девятнадцатого века «второй научной революцией». С помощью методов точных измерений и расчетов исследователи укрепляли программы семнадцатого века — первой «научной революции», отождествляемой с Бэконом, Кеплером, Декартом, Галилеем и Ньютоном, — в то время как научные области диверсифицировались и расширились. По проливает особый свет на одержимость и противоречия науки начала девятнадцатого века, которая разворачивалась в Америке. В его работах воплощены определяющие ее противоречия: между распространением в народе и контролем элиты, между сочувствием и отстраненностью, между божественным энтузиазмом и ледяным материализмом.

По утверждал, что каждое слово и образ в стихотворении или рассказе должны способствовать достижению единого, сознательно выбранного эффекта. Его произведения вызывают ослепительное множество потрясений и восторгов — эффекты ужаса, юмора, отвращения, возвышенности. Однако за первым ударом зачастую следует и второй. Внимательный читатель может задаться вопросом: как ему это удалось? Какое сочетание слов, ожиданий и публичности позволило ему произвести такое сотрясение в индивидуальном и коллективном сознании? Далее могут последовать вопросы: были ли это приемы высокого и вдохновенного искусства или грубые уловки, созданные для того, чтобы вызвать низменные реакции? В тех случаях, когда По достигал эффекта реальности, или «правдоподобия», читатели могли спросить: является ли это правдивым изложением фактов или мистификацией, шутовством?

Эффект По — это восклицательный знак, за которым следовал знак вопросительный: поразительное, концентрированное воздействие, оставляющее читателя в недоумении из-за целой цепочки

причин. Эта цепочка вела к увлекательному, но неуловимому источнику: самому По. Фантастические рассказы, детективные истории и нехудожественные произведения драматизировали акт исследования, а также борьбу, страхи, надежды и заблуждения человека, принимающего это исследование. Его изобретение новых эффектов и поиск скрытых причин ставят его в центр водоворота американской науки первой половины девятнадцатого века.

Чувства По и его современников подвергались бомбардировке новыми эффектами: электромагнитными сигналами, яркими световыми шоу, грохотом городских улиц, месмерическими эманациями, машинными печатными словами. Они также столкнулись с новыми методами и теориями анализа Вселенной, лечения болезней, обоснования политических решений, организации общества и формирования сознания. Современный образ науки — это лаборатории, микроскопы и белые халаты: регламентированное и единообразное занятие, которое в значительной степени финансируется правительством и признается лучшим (а для некоторых и единственным) средством получения достоверных знаний о мире. Однако, когда По начинал свою карьеру в 1830-х годах, такой образ науки являлся в лучшем случае далекой мечтой.

Термин «ученый» появился только в 1833 году, заменив собой обобщающее понятие «натурфилософ». В Европе последствия наполеоновских войн и начавшаяся промышленная революция вызвали жестокие конфликты по поводу прав и собственности, убеждений и опыта. Научная ситуация в Соединенных Штатах была еще более хаотичной, поскольку там не существовало национальных традиций и институциональных рамок. В популярной прессе и лекционных залах самоназначенные эксперты объявляли о сомнительных наблюдениях и вычурных теориях на любую тему. Не существовало достаточно влиятельных органов — ни научных ассоциаций, ни национальных академий, ни рецензируемых журналов, — чтобы отделить достоверные утверждения от ошибок или откровенного мошенничества.

Но течение начало меняться. Во времена Эдгара По ряд активных реформаторов — чьи пути пересекались с По и чьи от-